

И. Сергиевский

Алексей Максимович Горький

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. Важнейшее из ее завоеваний заключается в том, что она положила начало строительству нового общества, основанного на социальной справедливости, в котором нет деления на эксплуататоров и эксплуатируемых и, следовательно, свободного от непримиримых противоречий, раздирающих общество, состоящее из враждебных, антагонистических классов.

Социалистический строй создает новую, социалистическую культуру, отличительной чертой которой является ее всенародность. Это значит, что она служит не отдельным общественным классам — как культура досоциалистических формаций, которая, будучи по форме национальной, по содержанию является классовой, — а служит всему обществу, всему народу.

Одним из важнейших звеньев социалистической культуры является советская литература, воспитывающая народ в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, идейно вдохновляющая его в борьбе за коммунизм.

Расцвет социалистической культуры и социалистической литературы как части ее возможен лишь после победы социалистической революции. Однако возникает она гораздо раньше — тогда, когда на арену истории выступает пролетариат — класс, исторической миссией которого является подготовка и осуществление социалистической революции.

Первый по времени крупнейший пролетарский писатель, Горький выступает тем самым как зачинатель и основоположник социалистической литературы.

* * *

Осенью 1891 года полицейскими властями города Майкопа был задержан один молодой человек якобы за участие в «чумном бунте» местного казачьего населения. По документам задержанный значился мастеровым нижегородского малярного цеха Алексеем Пешковым. На вопрос руководившего следствием жандармского офицера, каким образом он оказался здесь, в предгорьях Кавказа, арестованный отвечал: «Хочу знать Россию».

Через несколько лет этот молодой человек стал известен нашей стране, а затем и всему миру как Максим Горький — один из самых замечательных писателей современности, прочно связавший свою творческую работу с революционной борьбой трудящихся масс за освобождение от ига эксплуататоров.

При всей краткости ответа, который дал на допросе будущий писатель майкопскому жандарму, в этом ответе совершенно точно характеризовались помыслы и побуждения, владевшие Горьким в годы его юности. «Знать Россию» — вот задача, которая определяла в те годы весь строй его жизненного поведения.

Эта задача возникла в его сознании не случайно.

«В России каждый писатель был воистину и резко индивидуален, — писал великий художник пролетариата в пору своей творческой зрелости, — но всех объединяло одно упорное стремление — понять, почувствовать, догадаться о будущем страны, о судьбе ее народа, об ее роли на земле».

Люди того поколения, к которому принадлежал Горький, испытывали эту потребность особенно остро. Старое народничество, под лозунгами которого развивалось русское освободительное движение в первые пореформенные десятилетия, уже вступило в полосу загнивания и распада. Утрачивая революционное содержание, присущее ему

в прошлом, народничество переродилось в благонамеренный культурнический оппортунизм. Выбрасывая за борт идею революционной ломки существующих порядков, народники были готовы теперь ограничиться мелкой «штопкой» господствующего буржуазно-помещичьего уклада, при сохранении социально-экономических основ его. Рабочий класс все чаще и полновеснее заявлял о своем существовании стачками и волнениями, охватывавшими часто большие человеческие массы. Однако рабочее движение в эти годы не имело еще ясной политической перспективы, выливалось обычно в беспорядочные «бунты», бывшие «гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем *борьбой*». Русская социал-демократия, призванная к тому, чтобы осветить борьбу рабочего класса против эксплуататоров светом революционной теории, переживала тогда еще тот период своего развития, который Ленин называл «утробным».

Старые, народнические лозунги, обесцвечиваясь и ветшая, постепенно утрачивали свою власть над умами современников, жаждавших активного политического действия. Новые, пролетарские, социал-демократические лозунги еще только кристаллизовались. Отсюда же противоречия «книжной догмы и непосредственного опыта», которые отмечал Горький как характерную черту идейного облика молодежи его типа в ту пору. Преодолеть эти противоречия, казалось Горькому, возможно было лишь на основе глубокого и тесного соприкосновения с действительностью, во всеоружии точного знания о ней.

Чтобы нащупать пути борьбы с общественной несправедливостью, с нищетой и бесправием народа, с властью сильного над слабым, богатого над бедным, надо было знать, как и чем живет народ, — «знать Россию».

* * *

Алексей Максимович Пешков — Максим Горький — родился 28 марта (по новому стилю) 1868 года в Нижнем Новгороде, городе на Волге, носящем теперь его имя, в семье мастерового-краснодеревщика, «умельца», человека грамотного и смышленного. На заре жизни будущему писателю суждено было пройти школу нужды и лишений, суровую школу, закалившую его разум и волю, воспитавшую в нем те качества страстного и непримиримого борца против капиталистического рабства, которые с такой силой проявились во всей его позднейшей деятельности — художника, гражданина, революционера.

Четырех лет от роду мальчик потерял отца, десяти лет лишился матери. Детство провел он в доме своего деда, Василия Васильевича Каширина, владельца красильного заведения в Нижнем Новгороде, много повидавшего на своем веку старика, ожесточенного сначала нищетой, а потом пришедшим к нему богатством, державшего в вечном страхе свое многочисленное семейство.

«Она вспоминается мне, как суровая сказка, хорошо рассказанная добрым, но мучительно правдивым гением, — вспоминал Горький о своей жизни у деда. — Теперь, оживляя прошлое, я сам порою с трудом верю, что все было именно так, как было, и многое хочется оспорить, отвергнуть, — слишком обильна жестокостью темная жизнь “неумного племени”».

Из людей, окружавших Горького в те годы, с неизменной любовью и благодарностью вспоминал он только бабушку Акулину Ивановну, хранившую в своем сердце огромные запасы любви и нежности к людям; она не только помогала мальчику сносить каширский ад, но и впервые открыла ему красоту родной природы, красоту русской поэзии и сказки.

После смерти матери начинается многолетние скитания Горького по чужим людям. Он служит «мальчиком» в обувной лавке, учится «на чертежника» у одного своего дальнего родственника, выжимавшего все соки из своего «ученика», работает «посудником» на волжских пароходах, подмастерьем в иконописной мастерской, десятником по ремонту ярмарочных строений, статистом в нижегородском театре.

Много всяческой грязи довелось повидать будущему писателю в эти годы, много испытать тяжелых и унижительных переживаний. Но общий итог этих лет его жизни вовсе не был только отрицательным. Не говоря уже о том, что все пережитое, все увиденное и услышанное в огромной степени расширило его умственный кругозор, он встречал на своем пути не одно лишь темное и злое, — судьба сталкивала его и с хорошими людьми, поддерживавшими в нем бодрость и веру в человека. А главное, несмотря на каторжные условия существования — непосильный, изнурительный труд, вечные насмешки и притеснения со стороны хозяев, — Горький-подросток напряженно и сосредоточенно учился. Книга уже тогда прочно входит в его повседневный обиход. На пороге юности он знал мировую литературу неизмеримо лучше многих своих сверстников, обладавших не только гимназическими, но и университетскими дипломами. Для него были родными и близкими имена не только Пушкина, Лермонтова, Гоголя, но и десятков других больших и малых писателей — русских и зарубежных.

Шестнадцати лет Горький покидает родной город и уезжает в Казань, соблазненный несбыточной мечтой, подсказанной ему одним легкомысленным приятелем, — поступить учиться в Казанский университет. Фантастичность этой мечты обнаружилась чрезвычайно быстро. В Казани будущий писатель сразу оказывается без крова, без куска хлеба, без всяких надежд на постоянный заработок. Здесь вплотную соприкасается он с людьми «дна» — с массой трудового люда, выброшенного из жизни волчьими законами капиталистического общества. После длительных скитаний по казанским трущобам юноше Горькому удается найти постоянную работу в качестве рабочего-булочника.

К этому времени относится первое знакомство Горького с революционной средой. По своему составу казанские революционные кружки представляли собой явление довольно пестрое. Среди новых знакомых Горького были опытные подпольщики, имевшие солидный стаж практической борьбы с царизмом, были и просто «сочувствующие» говоруны. Так или иначе, именно в этом кругу будущий писатель впервые услышал горячие и искренние слова о любви к народу, о готовности к самопожертвованию ради его счастья.

«Я понимал, что вижу людей, которые готовятся изменить жизнь к лучшему, — писал впоследствии Горький об этих своих встречах, — и хотя искренность их захлебывалась в бурном потоке слов, но — не тонула в нем. Задачи, которые они пытались решать, были ясны мне, и я чувствовал себя лично заинтересованным в удачном решении этих задач».

Но если деятели казанских революционных кружков могли заразить Горького своей восторженностью, могли внушить ему мысль о том, что, «только очень крепко, очень страстно любя человека, можно почерпнуть в этой любви необходимую силу для того, чтоб найти и понять смысл жизни», то и действительно вооружить его в борьбе за преобразование действительности на новых, справедливых началах они были не в силах. По своим идейным позициям казанские революционные кружки были народническими. Все свои надежды и упования они возлагали на крестьянство, которое было в их глазах «воплощением мудрости, духовной красоты и добросердечия, существом почти богоподобным и единосущным, вместилищем начал всего прекрасного, справедливого, величественного». Горький, знавший современную деревню гораздо лучше своих воспитателей и наставников, не мог не видеть, насколько далеки от жизни те представления, которые разделяли они сами и которые старались внушить ему. Он ясно видел, что деревня той поры жила жизнью гораздо более сложной и противоречивой, нежели казалось это казанским народникам, что все большую и большую силу забирал в деревне кулак-мироед, державший в кабале сельскую бедноту и, как пиявка, сосавший ее. Этой зловещей фигуре вовсе не находилось места в схемах и построениях казанских «учителей» Горького: они просто не хотели видеть тех процессов социального расслоения деревни, которые сопровождали перерождение старой, крепостнической России в новую, буржуазно-капиталистическую.

В Казани в те годы жил и работал Н. Федосеев, один из ранних представителей русского революционного марксизма, деятельность которого позднее высоко оценил Ленин. Горький встречался с Федосеевым, участвовал в занятиях созданного им здесь марксистского кружка, но встречи эти остались единичными и случайными и не разрешили всех сомнений, обуревавших пытливого и любознательного юношу.

После четырехлетнего пребывания в Казани Горький отправляется в новые странствования, движимый все той же целью: разобраться в окружающей его действительности, найти какую-то самому ему еще смутно рисующуюся путеводную нить в жизни.

Он работает в рыболовной артели на Каспии, служит на железной дороге ночным сторожем, весовщиком, носится с идеей организации земледельческой колонии, — идеей, навеянной кратковременным увлечением модным в то время толстовством, затем через Москву возвращается на родное пепелище — в Нижний, город, в котором протекали его детство и отрочество. Личная судьба Горького оставалась неустроенной, он продолжал сознавать себя человеком, не нашедшим своего места в жизни.

«Мне нужно найти себя в пестрой путанице впечатлений и приключений, пережитых мною, но я не умел и боялся сделать это, — так характеризовал позднее Горький свое душевное состояние в ту пору. — Кто и что — я? Меня очень смущал этот вопрос».

Новые люди вставали на его пути, в том числе — люди интеллектуально незаурядные, наделенные острым и живым умом, оставлявшие заметный след в его сознании. Но ответа на мучивший его вопрос он не находил у этих людей. Он близко соприкасался с нижегородской радикальной общественностью, был свидетелем яростных споров, раздиравших местные интеллигентские кружки, успел своей политической «неблагонадежностью» привлечь к себе внимание полиции и отсидеть месяц в нижегородском тюремном замке. Но куда и как приложить бурлившую в нем энергию, как осуществить владевшее им бунтарское стремление, — этого он пока не знал.

«Вскоре полубольной, в состоянии, близком безумию, я ушел из города и почти два года шатался по дорогам России, как перекати-поле, — рассказывает Горький. — Обошел Поволжье, Дон, Украину, Крым, Кавказ, пережил неисчислимо много различных впечатлений, приключений».

Новый 1893 год Горький встречал в Тифлисе. Этот год был знаменательной вехой в его жизни. Прежде всего, именно в эти памятные для него месяцы он входит в живое и непосредственное соприкосновение с тем общественным классом, художником которого становится он впоследствии и с судьбами которого оказывается неразрывно связан весь его дальнейший путь, — с индустриальным пролетариатом. Работая в тифлиских железнодорожных мастерских, ставших позднее одним из крупных центров рабочего движения в масштабах не одного только Закавказья, но и всей страны, Горький впервые познал, что представляет собою пролетарский коллектив. Здесь проходил он свою первую школу политического пропагандиста. Не случаен тот факт, что, создавая свой первый образ рабочего-революционера, Горький сделал своего героя паровозным машинистом по профессии. Этот мелкий, но характерный штрих убедительно свидетельствует о том, как глубоко отложились в сознании Горького впечатления, вынесенные им из общения с тифлискими железнодорожниками.

Тогда же произошло еще одно важное и радостное событие в жизни будущего писателя: в тифлисской газете «Кавказ» был напечатан его рассказ «Макар Чудра» — первое его произведение, увидевшее свет. Оно было подписано тем псевдонимом, который стал скоро известен всему земному шару и под которым писатель вошел в историю мировой литературы: «М. Горький».

* * *

С этого времени писательский труд становится для Горького основным делом жизни. Поселившись снова в Нижнем, он помещает ряд рассказов в поволжской прессе, затем становится штатным сотрудником «Самарской газеты», работа в которой помогает ему овладеть профессиональными навыками журналиста и публициста; в качестве газетного корреспондента широко освещает в печати Всероссийскую промышленную выставку 1896 года.

Большое значение имели для Горького в этот начальный период его литературной деятельности дружеская поддержка и помощь со стороны В. Короленко — первого встреченного им настоящего и большого писателя. «Его советы и указания всегда были кратки, просты, но это были как раз те указания, в которых я нуждался», — вспоминал Горький о своих встречах с ним. По прямому совету Короленко был написан горьковский «Челкаш», и по его настоятельной рекомендации это произведение было принято к печати «Русским богатством» — одним из наиболее видных журналов того времени. Рассказ был замечен литературной общественностью, вызвал ряд благожелательных отзывов критики и открыл автору путь в другие столичные издания. Так произошло вступление Горького в «большую литературу».

Ошибочно, впрочем, было бы думать, что признание пришло к нему сразу. Наоборот, прокладывая свой путь в «большой литературе» ему приходилось с немалыми усилиями. Жилось молодому литератору по-прежнему довольно трудно, а когда он решил выпустить отдельной книгой те свои произведения, которые считал наиболее удачными, ему очень долго пришлось искать издателя, который взялся бы за это предприятие.

В конце концов все же издатель был найден, и веской 1898 года два тома «Очерков и рассказов» (включавших двадцать из сотен, опубликованных к тому времени) вышли в свет. И тут произошло нечто такое, чего не мог предполагать ни сам Горький, ни кто-либо из его близких: успех книги был необычайный. Скромный провинциальный беллетрист, «подающий надежды», каким был Горький в глазах даже наиболее симпатизирующих ему людей, почти сразу становится едва ли не самым популярным писателем современности, подлинным властителем дум всего передового русского общества. Гиганты русской литературы Чехов и Л. Толстой приветствуют его как выдающегося художника слова.

При всей исключительности успех молодого Горького был, однако, глубоко закономерен. Его произведения, собранные в двух томах «Очерков и рассказов» (в следующем, 1899 году издание было повторено с прибавлением третьего тома), в самом деле прозвучали как новое слово в литературе, причем произнесено было это новое слово как раз тогда, когда в полной мере созрела его историческая необходимость.

Наследие великих русских писателей прошлого с детских лет и до конца жизни было и оставалось для Горького предметом величайшей патриотической гордости. Сопоставляя русскую классическую литературу с литературами Западной Европы, Горький говорил, что ни одна из них «не возникала к жизни с такою силою и быстротой, в таком мощном, ослепительном блеске таланта». Величайшая жизненная правдивость произведений писателей-классиков, их вражда ко всяческой косности и рутине, их страстная любовь к родной стране и родному народу — все это имело огромное значение для идейного и художественного формирования Горького как писателя. Но, опираясь в своих исканиях на творческий опыт писателей-классиков, выступая в качестве их законного преемника и продолжателя созданных ими традиций, Горький был вместе с тем величайшим художником-новатором. И то новое, свое, что вносил он в сокровищницу русской и мировой литературы, не может быть понято вне того подъема, который переживало в ту пору русское рабочее движение, вне деятельности «Союза борьбы за освобождение

рабочего класса» и родственных ему социал-демократических объединений и групп, вне борьбы русского пролетариата за создание своей политической партии.

Конечно, ошибочно было бы представлять дело так, что Горький уже в самом начале своего творческого пути выступает как совершенно сложившийся пролетарский писатель.

Чехов, встретивший первые произведения Горького словами самого горячего сочувствия, видел важнейшую заслугу молодого писателя в том, что он «первый в России и вообще в свете заговорил с презрением и отвращением о мещанстве и заговорил именно как раз в то время, когда общество было подготовлено к этому протесту». Действительно, критика тупого, самодовольного мещанства с его умственным убожеством и животной моралью занимает очень видное место в ранних рассказах и очерках молодого Горького. Часто эта критика достигает у него большой художественной силы, как, например, в рассказе «Скуки ради», — о том, как компания двуногих скотов так себе, от нечего делать, доводит своими издевательствами до самоубийства немолодую и некрасивую женщину, имевшую несчастье полюбить одного из своих сослуживцев на захолустной железнодорожной станции.

Но не произведения, рисующие тупую жестокость «хозяев жизни», и не те, в которых изображалось нищенское существование городской бедноты, привлекли к молодому Горькому широкое общественное внимание. В сознание современников молодой писатель входит прежде всего как автор «босяцких» рассказов, в которых он обращается к людям «дна», вырванным из нормальных условий человеческого существования. Необычны герои раннего Горького — Челкаш, дерзкий, решительный, не теряющийся в опасности и, самое главное, с полным презрением, при этом искренним, а не показным, относящийся к обывательскому благополучию; Коновалов, существо с чистым и чутким сердцем, могучую натуру которого разъедает «ржавчина недоумения перед жизнью и яд дум о ней»; своенравная рыбачка Мальва, играющая людьми ради своей минутной прихоти.

Впоследствии, отвечая на многократно обращаемые к нему вопросы о том, почему он писал о «босьяках», Горький очень хорошо разъяснил, в силу каких причин именно они, «босьяки», привлекали в ту пору его творческую мысль. «Босьяков» он воспринимал как «необыкновенных» людей:

«Многого я не понимал в них, — писал Горький, — но меня очень подкупало в их пользу то, что они не жаловались на жизнь, а о благополучной жизни “обывателей” говорили насмешливо, иронически, но не из чувства скрытой зависти, не потому, что “видит око, да зуб неймет”, а как будто из гордости, из сознания, что живут они — плохо, а сами по себе лучше тех, кто живет “хорошо”... вот чем объясняется мое пристрастие к “босьякам” — желанием изображать людей необыкновенных, а не людей нищеватого, мещанского типа».

Гневный протест против капиталистических порядков, калечащих и уродующих человека, против мнимой благопристойности буржуазного общества — вот что составляло идейную и художественную основу ранних произведений Горького. Этими произведениями писатель как бы утверждал, что если в этом обществе и есть еще люди, достойные называться людьми, сохранившие в себе какие-то подлинно человеческие качества, то эти люди являются отщепенцами общества, его париями.

Вместе с тем Горький тогда уже в полной мере отдавал себе отчет в том, что какие бы привлекательные черты ни таили в себе эти излюбленные герои его ранних произведений, видеть в них «строителей жизни» было бы по меньшей мере наивно. Челкаш, несмотря на присущее ему своеобразное благородство и прочие привлекательные качества, все же не белее, как эгоистичный хищник, рисующийся своим наплевательским отношением ко всему и всем, всему и всем чуждый. Тоскующий мечтатель Коновалов, безнадежно ищущий своей «точки», так и не находит ее и кончает самоубийством. Да и Мальва, такая сильная, уверенная в себе, — человек, конечно, потерянный.

«Мне безразлично было, с чего люди «бесятся», лишь бы они бесились», — вспоминает Горький о своих настроениях той поры, и эти слова проливают достаточно яркий свет на его «босяцкие» интересы и симпатии.

Людей, способных к революционному преобразованию действительности, он тогда вообще не видел. Его творчество питалось теми же жизненными соками, было движимо теми же историческими силами, которые поднимали русский рабочий класс на борьбу с самодержавием и с капиталистической эксплуатацией. Но живых и непосредственных связей с рабочим движением ему после прекращения работы в тифлиских железнодорожных мастерских еще не удалось возобновить. Свои общественные идеалы Горький воплощает в ту пору в легендарных, сказочных образах, созданных его творческой мечтой. Таковы образы Радды и Лойко Зобара, любящих друг друга, но еще больше любящих волю; таков образ Данко, который «сжег для людей свое сердце и умер, не прося у них ничего в награду себе».

Создавая эти образы, Горький широко использовал мотивы народных песен и сказаний, с которыми он хорошо познакомился во время своих странствований. С произведениями народного поэтического творчества роднит романтические рассказы Горького пронизывающее их жизнелюбие, широта душевного размаха.

Действие ранних рассказов Горького на современников было огромным. Они внушали отвращение к сонной одуре мещанского обывательского существования, звали к Борьбе, к подвигу, к самопожертвованию во имя общего счастья.

«Безумству храбрых поем мы славу!

Безумство храбрых — вот мудрость жизни! О, смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Но будет время — и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!

Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!

Безумству храбрых поем мы песню!..»

Эти строки звучали революционным набатом.

* * *

Годы, предшествующие первой русской революции, были годами дальнейшего интеллектуального и творческого роста Горького. Все шире и шире развертывающаяся освободительная борьба рабочего класса России несла писателя вперед на своих крыльях. Он вступал в полосу политической и литературной зрелости.

На рубеже столетий Горький создает два произведения, явившихся значительными вехами на его творческом пути: роман «Фома Гордеев» и повесть «Трое».

В первом из этих произведений центральное место занимает образ купца, осознавшего несправедливость капиталистического уклада и «выломавшегося» из него. В романе глубоко и проникновенно раскрыт тот процесс, который, постепенно развиваясь и нарастая, приводит героя к конечной катастрофе. Человек внутренне здоровый, наделенный самыми хорошими природными задатками, притом чуткий и впечатлительный, Фома уже в детстве смутно ощущает неправоту господствующих общественных отношений, «незаконность» привилегий, которыми пользуется он как «хозяйский сын». Уроки, получаемые от старших, прямые столкновения с хищническим миром капитализма, с которым он, становясь хозяином «дела», входит все в более и более тесные отношения, усиливают и обостряют в нем это ощущение. В конце концов его здоровая натура не выдерживает, и, окончательно утрачивая душевное равновесие, Фома решает высказать своим собратьям по классу все, что думает о них. «Что вы сделали? — говорит он собравшимся на кутеж купцам. — Не жизнь вы сделали — тюрьму... Не порядок вы устроили — цепи на человека выковали... Душно, тесно, повернуться негде живой душе... Погибает

человек!.. Душегубы вы... Понимаете ли, что только терпением человеческим вы живы?» Но так же, как ясна была Горькому бесперспективность анархического бунтарства босяков, ясно было ему, что и протест Фомы не мог вылиться ни во что иное, кроме скандала в пьяной купеческой компании. «Все, что он сделал, — ни к чему не повело, его речи не пошатнули купцов. Вот они окружают его плотней толпой, и ему не видно ничего из-за них. Они спокойны, тверды». Фома попадает в психиатрическую больницу, как умалишенного его лишают всего его состояния. Через несколько лет он снова появляется на улицах города — «истертый, измятый и полоумный», прочно и навсегда вычеркнутый из жизни.

Широко и многообразно представлен в романе тот буржуазно-предпринимательский мир, в результате конфликта с которым гибнет Фома. Мы видим здесь колоритную фигуру Анания Щурова, защитника патриархальных, «кондовых» устоев купеческого быта, имеющего на своем счету не одно преступление; видим «мыслящего» Якова Маякина, не только загребаящего деньгу, но отдающего себе отчет в том, что богатство дает ему власть, что он — носитель той силы, которая играет все большую и большую роль в жизни страны; видим «европеизированного» Африкана Смолина, стремящегося обогатить отечественную промышленность техническими усовершенствованиями, заимствованными с Запада, а к стати перенести на российские фабрики и заводы кое-что из западноевропейской практики по части усовершенствования методов эксплуатации рабочих; видим многочисленные фигуры крупных и мелких рыцарей и ландскнехтов капиталистической наживы.

В «Фоме Гордееве» заложены зерна многих позднейших замыслов писателя, связанных с изображением нравов и судеб русской буржуазии, — таких, как «Дело Артамоновых», как пьесы о Булычове и Достигаеве и многие другие.

Но роман «Фома Гордеев» замечателен не только как первое в творчестве Горького произведение о капиталистическом мире и его людях. Именно в этом романе впервые в полную мощь прозвучала тема, которая позднее приобретает такой широкий разворот в творческих исканиях писателя, — тема труда. В классической сцене подъема затонувшей баржи показана заражающая сила человеческого коллектива, охваченного единым вдохновенным трудовым порывом.

Когда Фома наблюдал эту сцену, им «овладело странное волнение: ему страстно захотелось влиться в этот возбужденный рев рабочих, широкий и могучий, как река, в раздражающий скрип, визг, лязг железа и буйный плеск волн. У него от силы желания выступил пот на лице, и вдруг, оторвавшись от мачты, он большими прыжками бросился к вороту, бледный от возбуждения... Добежав до ручки ворота, он с размаха ткнулся об нее грудью и, не чувствуя боли, с ревом начал ходить вокруг ворота, мощно упираясь ногами в палубу... Невыразимая радость бушевала в нем и рвалась наружу возбужденным кокком... Голова у него кружилась, глаза налились кровью, он ничего не видел и лишь чувствовал, что ему уступают, что он одолеет, что вот сейчас он опрокинет силой своей что-то огромное, заступающее ему путь, — опрокинет, победит и тогда вздохнет легко и свободно, полный гордой радости. Первый раз в жизни он испытывал такое одухотворяющее чувство и всей силой голодной души своей глотал его, пьянел от него и изливал свою радость в громких, ликующих криках в лад с рабочими».

С «Фомой Гордеевым» отчасти перекликается повесть Горького «Трое» — о судьбе троих молодых людей, выходцев из социальных «низов», поставленных в условия эксплуататорского общества. Один — Илья Лунев — встает на путь приобретательства и обогащения, не брезгуя в достижении своих целей никакими средствами; однако, добившись как будто всего желаемого, он видит, как грязна и низменна та сытая жизнь, к которой он стремился; высказав окружающим, подобно Фоме, всю накопившуюся у него горечь и злость, он кончает с собой. Другой — Яков Филимонов — мечтает о тишине и покое, об уединенной монастырской обители, кончает свои дни благополучным мещанином. И только третьему — Павлу Грачеву — удастся найти верную дорогу: он поступает работать на фабрику и здесь сближается с социал-демократическим кружком.

Исключительна была общественная активность Горького в пору революционного предгрозя. Он был свидетелем знаменитой студенческой манифестации 17 марта 1901 года в Петербурге у Казанского собора и принимал ближайшее участие в составлении опровержения на лживое и клеветническое правительственное сообщение об этом происшествии. На обратном пути из Петербурга в Нижний он приобретает мимеограф для печатания воззваний к сормовским рабочим. «Революционная жизнь в Нижнем с приездом Горького... опять бьет ключом, и все, что есть только революционного в Нижнем, дышит и живет только Горьким», – доносили властям нижегородские жандармы. Когда Горький был арестован по обвинению в антиправительственной пропаганде и затем выслан из Нижнего, его проводы превратились в настоящую политическую демонстрацию, обратившую на себя внимание Ленина.

«Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло — как справедливо выразился оратор нижегородской демонстрации — в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия из его родного города, – читаем в ленинской статье, написанной по этому поводу. – Башибузуки обвиняют его в дурном влиянии на нас, – говорил оратор от имени всех русских людей, в ком есть хоть капля стремления к свету и свободе, – а мы заявляем, что это было хорошее влияние».

Но самым значительным событием жизни Горького в этот период было сближение с большевиками. Осенью 1902 года в одну из московских поездок Горького состоялась его встреча с представителями ленинской «Искры» и Московского комитета партии. «Он произвел на всех нас чудное впечатление, – писала одна участница этой встречи. – Мне было крайне отраднo слышать, что его симпатии лишь на нашей стороне... единственным органом, заслуживающим уважения, талантливым и интересным находит лишь «Искру» и нашу организацию самой крепкой и солидной. Очень хочет познакомиться ближе с нашим направлением, нашими всеми изданиями и практической нашей работой, и так как его сочувствие лишь на нашей стороне, то он и хочет помогать нам, чем может».

В прочитанных им тогда работах Ленина, в беседах с «искровцами» Горький, по собственному признанию, впервые осязательно ощутил «подлинную революционность», впервые почувствовал, что видит людей, способных не только возмущаться несовершенством мира, не только негодовать по поводу зол и пороков действительности, не только готовых активно бороться за ее переделку, но и твердо знающих, что именно надо делать для ее революционного преобразования, каким путем надо идти, чтобы достичь поставленной цели.

Живое соприкосновение с практикой классовой борьбы пролетариата, с идеями большевизма и большевистской революционной организацией помогло Горькому выйти на дорогу большого социалистического искусства.

Русская литература вступала в двадцатый век под мажорные, ликующие аккорды «Песни о Буревестнике».

«Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между юлий над ревушим гневно морем, то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!..»

Ни одно, быть может, произведение Горького не получило тогда такого могучего общественного резонанса, как «Песням о Буревестнике». Ее перепечатывали в виде листовок, размножали в списках, читали на вечерах и собраниях. По свидетельству одного из представителей старой большевистской гвардии, эволюционное воздействие этого произведения на массы было не меньше, чем прокламации отдельных революционных комитетов партийной организации».

Завязавшиеся живые связи Горького с рабочим движением и политической партией пролетариата воскресили в его памяти давние тифлиссские встречи и знакомства и помогли по-новому осознать значение многих встреч и знакомств. Так возникает у него образ паровозного машиниста Нила, одного из персонажей пьесы «Мещане», которому суждено было стать первым в созданной русской литературой галерее образов пролетарских революционеров. «Права не дают, права берут» — эта истина освещает весь жизненный путь Нила. Формируя этот образ, Горький сделал первые шаги по тому пути, который привел его позднее образу Павла Власова.

В те же годы Горький пишет; другую свою пьесу — «На дне», в которой с полной ясностью раскрывает свое отношение к «босячеству», чуждое какой бы то ни было идеализации. Персонажи этой пьесы, принадлежащие к «босяцкому» миру, — люди незаурядных духовных качеств и возможностей, люди, остро чувствующие уродство капиталистической действительности; в их рассуждениях видны и ум, и напряженная работа мысли.

«Все — в человеке, все для человека! Существует только человек, все же остальное — дело его рук и его мозга! Чело-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо!» —

говорит Сатин, и в этих словах слышна какая-то правда, недоступная «хозяевам» жизни, враждебная всему строю их животного существования, поглощенного одной заботой: как бы побольше урвать».

В уста того же Сатина Горький вложил замечательную мысль:

«Когда труд — удовольствие, жизнь — хороша! Когда труд — обязанность, жизнь — рабство!»

Но и Сатин и все его сожители по ночлежке — люди безнадежно надломленные, опустошенные, разбитые. Их протест против неправды эксплуататорского строя бессилен, это протест не подвига и борьбы, а отчаяния.

С постановок обеих этих пьес начинается содружество Горького с Московским Художественным театром, которому в день сорокалетия общественной и литературной деятельности писателя советское правительство присвоило его имя. Глубина сценического воплощения горьковских образов, мастерская игра актеров — все это способствовало исключительному успеху первых театральные постановок «Мещан» и «На дне», каждая из которых приобретала характер крупного общественного события. В условиях нарастающего революционного подъема бунтарские мотивы, пронизывающие эти пьесы, приобретали усиленное звучание. Власти опасались антиправительственных демонстраций. Во время петербургских гастролей театра перед генеральной репетицией «Мещан» театральные капельдинеры, по требованию начальства, были заменены переодетыми городскими. В самом помещении театра были сосредоточены усиленные наряды полиции, а на площади перед театром разъезжали конные жандармы. «Можно было подумать, — вспоминает Станиславский, — что готовились не к генеральной репетиции, а к генеральному сражению». Опасения эти не были напрасными. Ни строжайшие предупредительные меры, ни суровые цензурные ограничения, в силу которых каждая постановка пьес допускалась лишь по особому разрешению властей, не могли приостановить их мощного воздействия на сознание современников.

Тогда же начинается энергичная и многосторонняя деятельность Горького как организатора передовых литературных сил нашей страны. Руководимое им издательство «Знание» быстро становится своего рода идейным центром, к которому тяготело все, что было талантливого и жизнеспособного в русской литературе того времени. На страницах выпускавшихся этим издательством литературно-художественных альманахов, ценимых В.И. Лениным, увидели свет многие произведения писателей прогрессивно-демократического лагеря.

* * *

Исторический день 9 января 1905 года Горький встретил в Петербурге. Он был непосредственным свидетелем и очевидцем шествия обманутых рабочих масс столицы к царскому дворцу и кровавой бойни, организованной самодержавием. Под свежим впечатлением этой расправы Горький написал воззвание «Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств», в котором клеймил царских палачей и призывал всех граждан России к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием. За составление этого воззвания Горький был арестован и заключен в один из казематов Петропавловской крепости.

Здесь, в крепости, он написал пьесу «Дети солнца», посвященную давно волновавшей его проблеме отношения интеллигенции и народа. Еще раньше писатель разрабатывал эту проблему в другой своей пьесе — «Дачники», направленной против ложных представлений об интеллигенции как некоей надклассовой силе, стоящей выше тех противоречий, которые пронизывают эксплуататорское общество. Этой своей пьесой Горький показывал, что интеллигенция, если только она не идет прямо и честно на службу народу, неминуемо оказывается отброшенной в лагерь паразитов и тунеядцев, в лагерь врагов народа. Основные действующие лица «Дачников» нисколько и не скрывают, что они озабочены исключительно личным покоем и благополучием и не испытывают даже никакой нужды в том, чтобы как-то приукрасить свои неприглядные позиции. Иные — в «Детях солнца». Герой этой пьесы, профессор Протасов, — настоящий ученый, бескорыстно преданный науке, отдающий всего себя служению ей. Но он отравлен иллюзиями мнимой независимости своего творческого труда от общественных условий и не замечает, что эта независимость на деле обозначает отрыв от народных масс, и это в конце концов приводит его к катастрофе, к внутреннему банкротству. В следующей за «Детями солнца» пьесе, «Варвары», еще яснее выражена мысль о том, что работа интеллигенции во имя культуры и прогресса по-настоящему плодотворна лишь тогда, когда она связана с идеями общественного переустройства. В захолустный город приезжают столичные гости — инженеры, собирающиеся развернуть здесь «цивилизаторскую» деятельность. Но в этой деятельности отсутствуют какие бы то ни было гражданские побуждения. И очень скоро выясняется, что, разрушая парящую здесь сокную одурь, они не несут взамен ее ничего, кроме нового «варварства» — более, быть может, утонченного, но холодного, цинического, бесчеловечного.

Находясь в крепости, Горький ждал суда. Однако правительство не решилось судить писателя, сознавая, что оно само неминуемо окажется в положении подсудимого, а писатель — в положении обвинителя. К тому же арест Горького вызвал бурю возмущения не только в России, но и в передовых кругах Западной Европы. В глазах властей все это дело приобретало характер международного скандала, серьезно подрывавшего политический престиж царизма. Под давлением этих обстоятельств пришлось освободить Горького из заключения.

Осенью 1905 года состоялась первая личная встреча Горького с В.И. Лениным. Писатель принял близкое участие в организации газеты «Новая жизнь» — первой большевистской легальной газеты, руководимой В.И. Лениным. На страницах «Новой жизни» появились горьковские «Заметки о мещанстве» — боевое, страстное выступление против капиталистического общества и всех тех, кто вольно или невольно охраняет и поддерживает его шатающиеся устои. «Противоречия между народом и командующим классом — непримиримы, — писал Горький в этих заметках. — Каждый человек, искренне желающий видеть на земле торжество истины, свободы, красоты, должен бы, по мере сил своих, работать в пользу быстрейшего и нормального развития этих противоречий до конца, — ибо в конце этого процесса пред всеми людьми с одинаковой очевидностью встанет и преступность нашего общественного устройства и ясная для всех невозмож-

ность дальнейшего существования его в современных формах». «Заметки о мещанстве» были высоко оценены В.И. Лениным как образец боевой, революционной публицистики.

В дни декабрьского вооруженного восстания Горький был в Москве, и его квартира являлась одним из опорных пунктов восстания.

* * *

После подавления восстания над писателем нависла угроза нового ареста. Спасаясь от преследования царских властей, он был вынужден эмигрировать. По поручению большевистской партии Горький предпринял поездку в Америку, где предполагал провести ряд публичных выступлений и докладов, сбор от которых должен был пойти в партийную кассу большевиков.

Непосредственное соприкосновение с зарубежной, особенно американской, буржуазной действительностью еще более углубило ненависть писателя к капитализму и капиталистическому рабству. Еще в детстве, прочитав книгу одного американского автора под названием «Подлинная история маленького оборвыша», Алеша Пешков был поражен: «вот как трудно и мучительно даже за границей живут иногда мальчишки!» Теперь писатель Максим Горький мог с полной наглядностью убедиться, как «трудно и мучительно» живет простому человеку, человеку труда, во всех широтах земного шара, где все блага жизни захвачены имущим эксплуататорским меньшинством, а уделом трудящегося большинства остаются бесправие и нищета.

Соединенные Штаты Северной Америки долгое время пользовались в глазах буржуазной интеллигенции всех стран, в том числе и русской, репутацией передовой демократической страны. В своих очерках и памфлетах, навеянных впечатлениями, вынесенными из поездки за океан («Город Желтого Дьявола», «Царство скуки», «Моб»), Горький беспощадно разоблачает ложь и фальшь пресловутой американской демократии. В одном из таких очерков-памфлетов писатель воспроизводит свою воображаемую беседу с безымянным американским миллионером — одним из заправил политической жизни страны.

«— Правительство не мешает вам? — скромно спросил я.

— Правительство? — повторил он и задумался, потирая пальцами лоб. Потом, как бы вспомнив что-то, кивнул головой. — Ага... Это те... в Вашингтоне. Нет, они не мешают. Это очень хорошие ребята... Среди них есть кое-кто из моего клуба. Но их редко видишь... Поэтому иногда забываешь о них. Нет, они не мешают...»

Буржуазная действительность воплощается в творческом сознании Горького в символическом образе «кома Золота». «В его биении — вся жизнь, в росте его объема — весь смысл ее.

Для этого люди целыми днями роют землю, куют железо, строят дома, дышат дымом фабрик, всасывают порами тела грязь отравленного, больного воздуха, для этого они продают свое красивое тело».

Таким предстает в глазах писателя мир капиталистической «цивилизации», заклеянный им как царство «Желтого Дьявола».

Горький описывает каторжный труд, узаконенный на самых совершенных, самых технически оснащенных предприятиях американской индустрии, чудовищную нищету рабочих кварталов Нью-Йорка, низменность тех развлечений, которыми имущие классы отравляют сознание масс, кровожадную жестокость по отношению к неграм растленной капитализмом толпы. Самым страшным в американской действительности было, в глазах Горького, то, что средний американец не только не замечает всей пустоты и примитивности своей жизни, но и проявляет склонность считать эту жизнь единственно возможной и нормальной. «Я впервые вижу такой чудовищный город, — писал Горький о Нью-Йорке, — и никогда еще люди не казались мне так ничтожны, так поработаны. И в то же время я нигде не встречал их такими трагикомически довольными собой».

Революция 1905 года была разгромлена при активной помощи зарубежных финансовых кругов, снабжавших русский царизм денежными средствами для борьбы с восставшим народом. Горький развернул широкую агитацию, направленную против займов, которых домогалось царское правительство, а когда западноевропейская буржуазная пресса подняла против Горького организованную травлю, он ответил суровой отповедью своим хулителям.

«Мы — враги, и — непримиримые, я уверен, — писал он, обращаясь к этим «идейным» холопам буржуазии. — Честный писатель — всегда враг тех, кто защищает и оправдывает жадность и зависть, эти основные устои современной общественной организации.

Затем вы говорите еще: “Мы любили Горького, а он...”

Господа! Искренне говорю вам: мне, социалисту, глубоко оскорбительна любовь буржуа!»

Капиталистическому миру — миру вороватых проныр, без чести и совести, Горький противопоставляет героиню борющегося пролетариата.

Революционными событиями 1905 года была вдохновлена его пьеса «Враги», запрещенная царской цензурой к постановке на том основании, что в ней «ярко подчеркивается непримиримая вражда между рабочими и работодателями, причем первые изображены стойкими борцами, сознательно идущими к намеченной цели — уничтожению капитала, последние же изображены узкими эгоистами». Охранители самодержавия справедливо увидели в этой пьесе «сплошную проповедь против имущих классов».

В 1906 году, вдали от родины, Горьким был закончен роман «Мать» — произведение всемирно-исторического значения, первое произведение подлинно социалистического искусства, озаренное светом самого передового, самого революционного мировоззрения нашей эпохи, опирающееся на опыт революционной борьбы рабочего класса.

Горький с замечательной ясностью показал, как возникают и разгораются в душе рабочего-подростка, потом юноши ростки революционного сознания, как из рядового сына своей страны и своего класса он вырастает в зрелого и мужественного революционера, твердо знающего цели и пути борьбы. Та художественная сила, с какой показан Горьким этот процесс, обусловила огромное воспитательное значение образа Павла Власова — главного героя романа. По воспоминаниям Горького, известна Ленинская оценка этого произведения: «книга нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают “Мать” с большой пользой для себя».

В длинной галерее персонажей русской классической литературы мы знаем немало чудесных человеческих образов, исполненных самого глубокого обаяния, наделенных самыми высокими и благородными качествами. Действие этих образов на русское общество было велико и плодотворно. Даже и в том случае, когда они не звали прямо к борьбе за революционное переустройство жизни, как звал образ Рахметова, героя романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», они все же способствовали духовному очищению читателя от грязи эксплуататорского общества, духовно возвышали его, то есть делали исторически полезное дело. Павел Власов обладает всеми лучшими чертами героев классической литературы прошлого. Он человек ясного ума, сильного чувства, твердой воли. Но вместе с тем он человек нового типа, который мог быть порожден только практикой пролетарской борьбы. Прежде всего он человек действия, не только сознающий несовершенство жизни, не только стремящийся к ее перестройке, но и практически осуществляющий эту перестройку. Быть похожим на Павла Власова значило быть сознательным революционером, борцом за торжество социализма. Важно также, что Павел Власов не одиночка. Он показан Горьким в кругу своих товарищей, своих единомышленников и соратников. Тем самым Горький наводил читателя на мысль, что высокие морально-политические качества, присущие Павлу Власову,

присущи ему не как избранному счастливцу, что приобщение к делу освобождения человечества от цепей капиталистического рабства перед каждым открывает неограниченные возможности стать таким же. Всем своим идейным содержанием роман Горького служил этому великому делу. На примере Павла Власова миллионы молодых пролетариев учились тому, как надо жить, чтобы не стыдиться своей жизни, а гордиться ею. От Павла Власова нити прямой исторической преемственности протягиваются к герою повести Николая Островского «Как закалялась сталь» Павлу Корчагину, а от него — к Олегу Кошевому и другим молодогвардейцам. Этими именами определяется главная, магистральная линия развития социалистической литературы, о которой В.И. Ленин говорил, что она «будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения “верхним десяти тысячам”, а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность».

Особого внимания заслуживает образ матери Павла — Пелагеи Ниловны, — один из самых чарующих женских образов русской литературы. Самое слово «мать» было священным в представлении Горького, а материнская любовь — одним из самых прекрасных и светлых начал человеческого бытия. «Прославим женщину — Мать, неиссякаемый источник все побеждающей жизни!» — восклицает писатель в одном из своих произведений. Горький и показывает, какие чудеса рождает материнская любовь, когда она чиста, не осквернена никакими низменными помыслами. Простая, скромная женщина, выросшая в обстановке, осуждающей ее на темноту и забитость, Ниловна становится подлинной героиней, самоотверженно и бесстрашно вступающей в борьбу с теми темными силами, к ниспровержению которых направлена вся деятельность ее сына.

Героиней становится она потому, что ее материнская любовь свободна, чужда какой-либо корысти. Уже современная писателю критика закономерно сопоставляла образ Ниловны с образом Вассы Железновой — главного персонажа одноименной пьесы Горького, написанной несколькими годами позднее. Да, Васса тоже мать. Но как противоположны ее материнские чувства тем, которые управляют поступками матери Павла Власова! Путь Ниловны — путь подвига во имя всеобщего счастья. Путь Вассы, купчихи, жены фабриканта и фактической хозяйки «дела», — путь самых темных и отвратительных преступлений. Уже в советское время Горький вновь переработал свою пьесу, еще более обнажив и подчеркнув в образе Вассы черты алчности и жестокости. Чтобы не пошатнулась репутация ее «фирмы», она отправляет на тот свет своего мужа; чтобы не лишиться наследника, которому могло бы быть передано «дело», она выдает (полиции жену своего сына, революционерку).

Так и стоят эти два образа, как полярные и непримиримо враждебные друг другу: один — воплощающий подлинную материнскую любовь, другой — показывающий, во что предельно омерзительное вырождается это чувство, когда оно утрачивает свою свободу и естественность и оказывается вовлеченным в орбиту понятий и норм, присущих эксплуататорскому обществу.

В России «Мать» могла быть напечатана лишь с большими цензурными урезками и искажениями. Но одновременно она была переведена на многие иностранные языки, в миллионах экземпляров разошлась по всему свету, стала настольной книгой в каждой сознательной рабочей семье, книгой, на которой воспитывались многие поколения пролетариев-борцов.

В 1907 году Горький принял участие в работе пятого, лондонского съезда Российской социал-демократической партии, на котором много раз встречался и беседовал с В.И. Лениным. С этого времени общение писателя с великим вождем рабочего класса становится постоянным и близким.

* * *

После возвращения из Америки, поселившись в Италии, на острове Капри, Горький тяжело переживал свой вынужденный отрыв от родины. «Если зуб, выбитый из челюсти, способен чувствовать, то он, вероятно, чувствовал бы себя так же одиноко, как я», — писал Горький о своем эмигрантском существовании. Те известия о России, которые мог он почерпнуть из газет и журналов, из рассказов очевидцев, были нерадостны. Реакция торжествовала по всему фронту. Десятки и сотни тысяч лучших представителей рабочего класса и революционной интеллигенции были казнены и брошены в тюремные казематы. Многие из вчерашних попутчиков революции быстро линяли и, приспособляясь к обстоятельствам, шли на сделку с царизмом.

Тяжелыми условиями эмиграции объясняются идейные колебания, испытанные в годы реакции самим Горьким, выразившиеся в его сближении с религиозно-философским течением, известным под названием богостроительства. Сторонники этого течения проповедовали создание новой, «социалистической» религии, выступая, таким образом, против самых основ марксистско-ленинского мировоззрения, непримиримого ко всем формам религиозного сознания, особенно же — к наиболее утонченным и подкрашенным, как самым вредоносным. Искренне убежденный в том, что «единство цели, понятое и осознанное глубоко, должно бы стереть, уничтожить философские противоречия», Горький не сразу понял, что «философские противоречия», отделяющие «богостроителей» от большевиков-ленинцев, исключают самую постановку вопроса о «единстве целей». Мудрой и чуткой ленинской заботе Горький обязан тем, что его колебания оказались кратковременными и были успешно преодолены им.

Сурово и беспощадно критикуя заблуждения Горького, В.И. Ленин утверждал в то же время, что «Горький — безусловно крупнейший представитель *пролетарского искусства*, который много для него сделал и еще больше может сделать».

«Своим талантом художника Вы принесли рабочему движению России — да и не одной России — такую громадную пользу. Вы принесете еще столько пользы, что ни в каком случае непозволительно для Вас давать себя во сласть тяжелым настроениям, вызванным эпизодами заграничной борьбы», — писал он самому Горькому.

Когда появилась повесть «Исповедь», в которой наиболее полно выразились «богостроительские» заблуждения писателя, большевистская критика, оценивая это произведение как «удаление Горького с идейной позиции рабочего класса», отмечала:

«Является ли это новое настроение автора прочным и длительным, или оно лишь переходная ступень к какому-нибудь новому повороту мысли, или же, наконец, М. Горький, столько лет искавший *человека* и обретший его было в творце будущей жизни — сознательном рабочем, отбросит богоискательскую схоластику и от гипотетического творца вернется к действительному творцу, — на эти интересные вопросы сможет ответить только будущее».

Известно, как будущее ответило на эти вопросы: увлечение Горького «богоискательской схоластикой» не оказалось ни прочным, ни длительным; преодолев это увлечение, Горький вернулся на тот путь, на который вступил он как автор «Песни о Буревестнике», «Мещан», «Матери».

В произведениях так называемого «окуровского» цикла, к которому относятся «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина» и ряд других повестей и рассказов, Горький создает обобщенный образ того затхлого, мещанского мира, в цепкости которого писатель видел одну из причин поражения первой русской революции. В период реакции мещанство, почуявшее, что настал его час, полезло изо всех щелей, отравляя воздух своими миазмами. Это и показывает Горький в произведениях «окуровского» цикла, в образах буяна и задиры Вавилы Бурмистрова, становящегося послушным орудием в руках черносотенцев и ими же предаваемого, доморощенного окуровского «философа» Якова Тиунова, жалкого слободского поэта Симы Девушкина и других.

«Городок Окуров» Горький снабдил эпиграфом из Достоевского: «...уездная, звериная глушь». Эпиграф этот, однако, никак не обозначал симпатий автора к идеям Достоевского. Наоборот, всем своим содержанием «окуровский» цикл резко противостоит этим идеям, которые получили особенно широкое распространение в годы реакции. Достоевский считал, что темные, звериные инстинкты органически присущи человеку и неискоренимы в нем. На прямо противоположных позициях стоит Горький, показывающий, как в окуровскую действительность все более и более властно вторгаются новые, свежие силы, разрушающие косность окуровского быта и несущие ему гибель.

Свидетельством нового творческого подъема, пережитого Горьким после кратковременного спада, связанного с его «богостроительскими» ошибками, явился цикл его «Сказок об Италии», которые печатались на страницах большевистской «Звезды» и которые В.И. Ленин, приравнивавший их к революционным прокламациям, назвал в одном из писем к Горькому «великолепными». Эпиграфом к этому циклу писатель поставил слова великого датского сказочника Андерсена: «Нет сказок лучше тех, которые создает сама жизнь». Этот эпиграф подчеркивает реалистичность горьковского цикла: хотя это и «сказки», но в них нет ничего вымышленного, придуманного, писатель ни на минуту не отрывается в них от жизненной действительности; но сама эта действительность так светла, так празднична, что она воспринимается как сказочная.

Италия с давних пор привлекала к себе внимание поэтов и художников всех стран. Но часто она изображалась как своего рода страна-музей, у которой все в прошлом, как страна величавых памятников искусства, нетленных, но далеких от тревог и волнений современности. Горькому менее всего было присуще равнодушное или пренебрежительное отношение к замечательному прошлому этой страны, народ которой внес огромный, неценный вклад в художественную сокровищницу человеческого гения. Но писатель знал, что существует и еще одна Италия — Италия сегодняшнего дня, Италия трудящегося люда — рабочих, крестьян, рыбаков. Эту Италию и показывает Горький в своих сказках. Он рисует картины пролетарской солидарности, говорит о том, как в борьбе против эксплуататоров пролетариат увлекает за собой всех честных людей страны. Он рассказывает, как забастовавшие рабочие неапольского трамвая благодаря своей решимости и мужеству выходят победителями из столкновения с хозяевами; как пролетарские семьи Генуи дают приют детям пролетариев Пармы, вступивших в конфликт с предпринимателями; как солдаты, посланные на усмирение волнующихся крестьян, хитро саботируют полученные ими от начальства приказания о подавлении волнений и в результате их провожают с цветами оттуда, куда они были посланы, чтобы пролить кровь. Торжественным гимном во славу человеческого труда, преобразующего и покоряющего природу, звучит сказка о строителях Симплонского туннеля. В уста одного из них, от имени которого ведется повествование, Горький вложил замечательные слова: «Человек умеет работать!.. Маленький человек, когда он хочет работать, — непобедимая сила! И поверьте: в конце концов этот маленький человек сделает все, чего хочет». Этого маленького, но всемогущего человека и славословит Горький в своих «Сказках об Италии».

«Сказки» писались в те годы, когда русское рабочее движение, оправившись от ударов, нанесенных ему в период реакции, вступало в полосу нового подъема. Вместе с тем они и сами явились одним из факторов этого подъема, воспитывая в рабочем классе бодрость, уверенность в том, что «нет и не будет сил, которые могли бы убить молодое сердце мира».

Важно подчеркнуть, что и в пору реакции Горький сохранил ту точку зрения на окружающую его действительность, которая характеризует его именно как пролетарского художника, художника — гражданина и борца.

В эту пору Горький развертывает последовательную и решительную борьбу против гнилостного буржуазного искусства, провозглашающего уход художника от действи-

тельности в царство грез и красивых миражей, его свободу от служения обществу и вообще от каких бы то ни было моральных обязательств и правил.

«На Руси великой народился новый тип писателя, – с горечью говорил Горький, – это общественный шут, забавник жадного до развлечения мещанства, он служит публике, а не родине, и служит не как судья и свидетель жизни, а как нищий приживал — богатому».

Горький ясно сознавал, что своим острием эта буржуазная литература направлена против трудового народа, что движущей силой ее является животный страх перед массами и ненависть к ним. Антидемократическая направленность этой литературы делала ее явлением, вдвойне опасным в глазах Горького-писателя, неизменно видевшего в народных массах могучий родник творческой энергии. «Лучшие произведения великих поэтов всех стран почерпнуты из сокровищницы коллективного творчества народа...» Все лучшие художники прошлого, утверждал Горький, «возносились всего выше тогда, когда их окрыляло творчество коллектива, когда они черпали вдохновение из источника народной поэзии, безмерно глубокой, неисчислимо разнообразной, сильной и мудрой».

Свою задачу Горький видел в мобилизации творческих сил, способных противостоять напору литературной реакции. В период жизни на Капри он ясно ощутил напор новой литературной волны, поднимавшейся снизу. Сюда стекались к нему десятки и сотни рукописей, авторами которых были люди, не только далекие от профессиональных писательских кругов, но и не всегда безупречно владевшие грамотой, в основной своей массе — рабочие и крестьяне. И вот в этой-то литературе, не дошедшей до печатного станка, Горький находил то, что не мог найти у многих признанных современных писателей: находил «заботу о человеке, желание вызвать к жизни человеческое, проповедь уважения к человеку», находил настроение «бодрое, дееспособное и часто восторженное».

«И вот мне чувствуется, – писал Горький, — что непосредственно из самой массы русского народа возникает к жизни новый тип человека. Это — человек бодрый духом, полный горячей жажды приобщиться культуре, вылечившийся от фатализма и пессимизма, а потому дееспособный».

В этом «новом человеке» Горький видел главного героя русской литературы в ближайшем будущем.

В 1913 году Горький получил возможность вернуться в Россию. Вскоре после его возвращения вышел в свет составленный при его ближайшем участии и под его непосредственным руководством «Сборник пролетарских писателей», включавший произведения тридцати двух авторов, преимущественно из рабочего актива большевистских газет «Звезда» и «Правда». В предисловии к этому сборнику Горький, обращаясь к его участникам, писал:

«...Эта книжка — новое и очень значительное явление вашей трудной жизни; оно красноречиво говорит о росте интеллектуальных сил пролетариата... Кто знает будущее? возможно, об этой маленькой книжке со временем упомянут как об одном из первых шагов русского пролетариата к созданию своей художественной литературы... Я крепко убежден, что пролетариат может создать свою художественную литературу, как он создал — с великим трудом и огромными жертвами — свою ежедневную прессу».

Большое внимание уделял Горький состоянию не только русской литературы, но и литератур других народов нашей страны, которые он хорошо знал и в братском сотрудничестве которых видел залог их успешного развития. Особенно важной представлялась Горькому широкая популяризация творческих достижений этих литератур. Он явился вдохновителем целого цикла сборников, в которых печатались в переводе на русский язык произведения передовых писателей, принадлежавших к угнетаемым царизмом народностям. Ни один из русских писателей не имел таких многосторонних и тесных связей с литературной общественностью братских народов, как Горький. Со многими писателями этих народов его связывала тесная личная дружба.

* * *

Следующий этап творческого пути писателя был связан прежде всего с работой над повестями «Детство» и «В людях» (к ним примыкают такие рассказы, как «Случай из жизни Макара», «Хозяин», а также написанные позднее «Мои университеты» и цикл рассказов, являющихся как бы продолжением этих повестей: «Сторож», «Время Короленко», «О вреде философии», «О первой любви»). Обычно эти произведения считаются автобиографическими. Такое обозначение, однако, не совсем точно, потому что они менее всего являются произведениями мемуарного жанра в точном смысле этого слова, произведениями, в которых писатель ограничивал себя рамками повествования о себе самом и обо всем, «чему свидетель в жизни был». «Детство» и «В людях» следует рассматривать не в ряду мемуарной литературы, а в ряду таких художественно обобщенных автобиографий, как «Былое и думы» Герцена или «История моего современника» Короленко.

Воскрешая в памяти «свинцовые мерзости дикой русской жизни», действие которых так осязательно довелось ему испытать на самом себе в годы детства, отрочества и юности, Горький писал:

«Я минутами спрашиваю себя: да стоит ли говорить об этом? И с обновленной уверенностью, отвечаю себе — стоит; ибо это — живучая, подлая правда, она не издохла и по сей день. Это та правда, которую необходимо знать до корня, чтобы с корнем же и выдрать ее из памяти, из души человека, из всей жизни нашей...

И есть другая, более положительная причина, понуждающая меня рисовать эти мерзости. Хотя они и противны, ... — русский человек все-таки настолько еще здоров и молод душою, что преодолевает и преодолеет их.

Не только тем изумительна жизнь наша, что в ней так плодovit и жирен пласт всякой скотской дряни, но тем, что сквозь этот пласт все-таки победно прорастает яркое, здоровое и творческое, растет доброе — человечье, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой».

«Детство», «В людях», «Мои университеты» и были повестью о борьбе старого и нового, скотского и человеческого в русской жизни, о том, как в сложнейших условиях этой борьбы формировалось и крепло сознание простого русского человека, как из забитого жизнью паренька, придавленного к земле всей тяжестью эксплуататорского общества, вырастает борец. Всем своим содержанием эти произведения говорили: как бы трудно тебе ни было, не сдавайся, из последних сил стремись к тому, чтобы победить обступающие тебя со всех сторон трудности, и ты победишь их. Герой этих произведений — родной брат Павла Власова и такой же, как Павел Власов, духовный отец Павла Корчагина и Олега Кошевого.

Трудно представить себе мир более страшный, чем тот, в котором протекали детство, отрочество и юность этого героя, — мир, столь обильный бессмысленной, вьевшейся в повседневный быт жестокостью, мир, в котором ни во что ставится не только человеческое достоинство, но и самая жизнь человеческая (достаточно вспомнить, с какой легкостью расправляются дядя Алеши Пешкова с умным, веселым Цыганком, стоящим у них поперек дороги). Но чем осязательнее испытывает герой уродство этого мира, тем упрямее и увереннее сопротивляется обидам и огорчениям, наносимым ему жизнью, и тем более властно овладевает им желание изменить жизнь.

Богата и красочна данная в «автобиографических» повестях Горького портретная галерея тех людей, встречи с которыми обогащали его мысль, расширяли его кругозор, — людей очень разных, очень не похожих один на другого, но близких друг другу тем, что все они какими-то своими чертами противостояли миру мещанства: тут и полуслепой мастер Григорий, как со взрослым беседующий с мальчиком о его умершем отце; тут и «Хорошее дело» — постоялец в доме деда, первый встреченный Алешей человек «из бесконечного ряда чужих людей в родной своей стране, — лучших людей ее»; тут и повар Смурый, иконописец Ситанов и десятки других.

Проникновенно рассказано в повестях о великой роли книги в жизни мальчика, о том, как книга укрепляла его в борьбе с тяготами жизни, выпрямляла и окрыляла его в поисках лучшего.

Заканчивая повесть «В людях», Горький писал:

«Хмурыми осенними днями, когда не только не видишь, но и не чувствуешь солнца, забываешь о нем, — осенними днями не однажды случалось плутать в лесу. Собыешься с дороги, потеряешь все тропы, наконец, устав искать их, стиснешь зубы и пойдешь прямо чащею, по гнилому валежнику, по зыбким кочкам болота — в конце концов, всегда выйдешь на дорогу!

Так я и решил».

В «Моих университетах» избранный героем путь определяется как путь в революцию.

* * *

В июле 1914 года началась первая мировая война. Как художник-интернационалист, Горький встретил ее с глубочайшим негодованием, разгадав ее империалистический, грабительский характер. Разоблачая перед народными массами милитаристов и шовинистов всех мастей, ополчаясь против ведущейся ими проповеди звериного национализма, Горький писал тогда:

«Русский солдат... может быть, глубоко понимает, что солдат-немец — такой же несчастный, подневольный человек, как и он, русский... Жадничает, как известно, не народ, войну затевают не нации. Немецкие мужики, точно так же, как и русские, колониальной политикой не занимаются и не думают о том, как выгоднее разделить Африку».

Правда, полной ясности в настроениях и взглядах Горького той поры не было. Он не понял до конца большевистского лозунга превращения войны империалистической в войну гражданскую, а после того как в 1917 году русское самодержавие было низвергнуто народом, обратился к буржуазному Временному правительству с призывом о заключении демократического мира. В.И. Ленин указывал тогда, что этот наивный призыв «выражает чрезвычайно распространенные предрассудки не только мелкой буржуазии, но и части находящихся под ее влиянием рабочих». После победы Великой Октябрьской социалистической революции отношения Горького с В.И. Лениным вновь подверглись тяжелым испытаниям, еще более тяжелым, чем десять лет назад. Писатель-патриот в самом высоком и благородном значении этого понятия, видевший свой народ «исключительно, фантастически талантливый», непоколебимо веривший в победу нового над старым, Горький вместе с тем никак не преуменьшал ни силы этого старого, ни его цепкости; скорее наоборот — преувеличивал. Ему казалось, что пролетариат, в октябре 1917 года вышедший победителем из решительной схватки с эксплуататорами и взявший власть в свои руки, слишком слаб, чтобы выдержать напор враждебных ему сил. Выдвинутый большевиками лозунг союза рабочего класса с деревенской беднотой, составлявшей громадное большинство крестьянского населения России, не был понят Горьким. В то же время писатель явно заблуждался в своем понимании роли и места интеллигенции в революции, особенно интеллигенции научно-технической; вопреки совершенно очевидным фактам, он явно переоценивал готовность этой интеллигенции помогать рабочему классу в общественном преобразовании страны.

Внешне обстоятельства жизни и быта писателя складывались в те годы так, что могли лишь поддерживать и усиливать в нем пессимистические настроения.

«Если наблюдать, надо наблюдать внизу, где можно обзреть работу нового строения жизни, в рабочем поселке провинции или в деревне, — там не надо политически охватывать сумму сложнейших данных, там можно только наблюдать, — писал по этому поводу Горькому В.И. Ленин. — Вместо этого Вы поставили себя в положение... в котором наблюдать нового строения новой жизни нельзя... в котором Вы вынуждены наблюдать обрывки жизни бывшей столицы, из коей цвет рабочих ушел на фронты и в деревню и где осталось непропорционально много безместной и безработной интеллигенции, специально Вас «осаждающей»... Ни нового в армии, ни нового в деревне, ни нового на фабрике Вы здесь, как художник,

наблюдать и изучать не можете. Вы отняли у себя возможность то делать, что удовлетворило бы художника, — в Питере можно работать политику, но Вы не политик. Сегодня — зря разбитые стекла, завтра — выстрелы и вопли из тюрьмы, потом обрывки речей самых усталых из оставшихся в Питере нерабочих, затем миллион впечатлений от интеллигенции, столичной интеллигенции без столицы... — как тут не довести себя до того, что жить весьма противно».

Впоследствии Горький честно и мужественно признал всю наивность и несостоятельность своих сомнений и опасений, будто «диктатура пролетариата поведет к распылению и гибели политически воспитанных рабочих-большевиков, единственной действительно революционной силы». Но в первые годы существования советского государства эти сомнения и опасения сильно отягощали его жизнь и работу.

Следует подчеркнуть, однако, что при всей серьезности своих заблуждений Горький ясно представлял себе величие тех событий, современником которых он был, их всемирно-исторический смысл. На вечере, посвященном 50-летию со дня рождения В.И. Ленина, он выступил с речью, в которой говорил о гениальном вожде рабочего класса:

«...Сколько бы ни говорить нам о нем красивых слов, нам не изобразить, не очертить то глубокое значение, которое имеет его работа, которое имеет его энергия, его проникновенный ум для всего человечества — не только для нас».

И в эти годы Горький вложил немало сил и энергии в дело строительства новой, социалистической культуры, и в эти годы его деятельность поражает широтой размаха, настойчивым стремлением сплотить вокруг советской власти все здоровые и жизнеспособные культурные кадры страны. На посту председателя Центральной Комиссии по улучшению быта ученых он оказал неоценимые услуги советской науке, горячо откликаясь на все нужды и запросы ее деятелей, принимая активное участие в реорганизации высшей школы, в развертывании работы научно-исследовательских учреждений и приближении ее к жизненной практике. Руководители большевистской партии и советского государства, сурово критикуя Горького за его ошибки, отдавали должное его культурно-организационной работе. На одном документе, поступившем к В.И. Ленину как главе советского правительства, он писал:

«Товарищи! Очень прошу Вас во всех тех случаях, когда т. Горький будет обращаться к Вам по подобным вопросам, оказывать ему всяческое содействие, если же будут препятствия, помехи, или возражения того или иного рода, не отказать сообщить мне, в чем они состоят».

Детищем Горького явилось издательство «Всемирная литература», значение которого писатель видел в том, что «русский гражданин получит в свое распоряжение все сокровища поэзии и художественной прозы, созданные в течение полутора века напряженного духовного творчества Европы». В крайне трудных условиях, в обстановке хозяйственной разрухи, это издательство выпустило десятки книг, содержащих памятники мировой литературы прошлого. Неразрывно связаны с именем Горького первые шаги советского театра. Он был создателем и руководителем первого советского литературно-художественного журнала «Красная новь», наставником и пестуном целой плеяды молодых писателей, занявших впоследствии видное место среди деятелей советской литературы.

Вся эта многообразная и напряженная работа, которую вел Горький, суровый быт тех дней подорвали силы писателя. Его здоровье пошатнулось, возобновился застарелый туберкулез, нажитый еще в юности, началось кровохарканье. Нужны были решительные меры, чтобы спасти жизнь писателя. В 1921 году, подчиняясь требовательным настояниям В.И. Ленина, он выехал за границу для лечения.

За рубежом, во время пребывания Горького в одном из чехословацких санаториев, до него дошла скорбная весть о смерти его великого учителя и друга, воспринятая им как тяжелое личное горе. Под свежим впечатлением понесенной утраты создает он

замечательные воспоминания о В.И. Ленине, проникнутые восхищенным преклонением перед личностью, идеями и делами вождя.

«Вот он не существует физически, – писал Горький, – а голос его все громче, победоноснее звучит для трудящихся земли, и уже нет такого угла на ней, где бы этот голос не возбуждал волю рабочего народа к революции, к новой жизни, к строительству мира людей равных. Все более уверенно, крепче, успешней делают великое дело ученики Ленина, наследники его силы».

Ленин умер, но дело его в надежных руках — об этом непререкаемо свидетельствовала вся советская действительность. Отбив ожесточенные атаки буржуазно-помещичьей белогвардейщины и стоящего за ее плечами международного капитала, советский народ успешно залечивал раны, нанесенные стране гражданской войной и интервенцией, и вступал на путь победоносного социалистического строительства. На долю Горького выпало редкое счастье, к которому могли лишь стремиться и о котором могли лишь мечтать лучшие люди родины в прошлом: увидеть, как претворяются в жизнь лучшие чаяния народа, как становится явью та светлая, сказочно героическая жизнь, образ которой издавна лелеял он в своем сердце. Отмечая десятилетие Октября, Горький говорил:

«...За это время в России — во всех областях труда и творчества — сделана изумительная работа...

Я не льщу рабоче-крестьянской власти, а искренне восхищаюсь ее работой...

Ленин спас Россию от окончательного разрушения и порабощения капиталистами Европы — история не может не признать за ним эту заслугу».

Победы советского народа творчески окрыляют Горького: как художник он переживает подлинную вторую молодость в последние десятилетия своей жизни.

Еще в одну из каприйских встреч с В.И. Лениным Горький поделился с ним своим творческим замыслом написать историю одной семьи за сто лет. В.И. Ленин, вспоминая Горький, «очень внимательно слушал, выспрашивал, потом сказал: “Отличная тема, конечно, — трудная, потребует массу времени, я думаю, что вы бы с ней сладили, но — не вижу: чем вы ее кончите? Конца-то действительность не дает. Нет, это надо писать после революции”... Конца книги я, разумеется, и сам не видел», – прибавляет Горький.

Теперь действительность подсказывала этот «конец», которого не видно было раньше, и писатель реализует свой давний замысел в «Деле Артамоновых» — повести-хронике об исторических судьбах русской буржуазии, о ее неуклонном вырождении и одряхлении. Зачинатель купеческой «династии» Артамоновых — Илья, начинавший свою жизнь еще при крепостном праве, в качестве дворового человека князей Ратских, — властная, волевая натура. Полный сил и энергии, он всего себя вкладывает в свое «дело», отдавая все свои способности росту и процветанию этого «дела». Но уже в следующем поколении артамоновского рода проявляются все признаки внутреннего надлома. Старший сын Ильи и его наследник, Петр, уже не обладает ни цельностью, ни напористостью своего отца; он вял, нерешителен, труслив; «дело» тяготит его, и он ищет утешения в пьяном разгуле. Другой сын, горбун Никита, уходит в монахи. Третье поколение — внуки Ильи Артамонова, кроме одного, порывающего со своим классом и становящегося революционером, — люди при всей своей разнохарактерности вполне уже ничтожные.

Но значение «Дела Артамоновых» не только историко-познавательное. Горький наглядно и убедительно показывает, как власть денег губит и уродует человеческое в человеке, каким изнуряющим бременем ложится она на тех, кто испытывает ее силу. «Дело Артамоновых» — одно из самых полноценных произведений Горького, разоблачающих капитализм.

Наконец, чрезвычайно важен еще один аспект романа: в нем ярко показано, как параллельно с ростом артамоновского «дела» растут сознание и силы враждебного его хозяевам лагеря — рабочего класса. В романе отсутствуют сиены, которые прямо рисовали бы освободительную борьбу пролетариата, но процесс его революционизиру-

вания раскрывается с полной ясностью. Первое поколение артамоновских рабочих еще не сознает всей противоположности своих интересов интересам владельцев «дела»; Илья Артамонов для них свей человек, удачливость которого вызывает даже что-то вроде уважения с их стороны. При Петре от этой патриархальности в отношениях рабочих с хозяевами не остается и следа. А внуки Ильи вынуждены уже, с одной стороны, серьезно думать о разных мероприятиях, которые отвлекали бы рабочих от борьбы за свои права, с другой стороны, прибегать к услугам полиции. Одно из самых ёмких по содержанию произведений Горького, охватывающее почти полвека русской жизни, от первых пореформенных лет до октября 1917 года, «Дело Артамоновых» отличается вместе с тем исключительной компактностью: огромное историческое содержание мастерски вмещено в небольшую по объему книжку.

Закончив работу над «Делом Артамоновых», Горький вплотную приступает к осуществлению другого своего замысла, почти столь же давнего и еще более грандиозного, — замысла исторической эпопеи, которая должна была показать, «как жили, как думали, что делали русские люди с 80-х годов по 1919-й, и каковы изнутри были эти люди». Так возникает «Жизнь Клим Самгина», эта художественная энциклопедия идейной жизни русского общества конца прошлого и начала нынешнего века, во всей ее пестроты и многогранности, во всей сложности противоречий, отражающих напряженную борьбу антагонистических классовых сил.

Большинство персонажей этого произведения принадлежит к кругу либерально-буржуазной интеллигенции того периода, когда, окончательно порывая с освободительным движением, она становится на путь ренегатства, путь измен и предательств. Ярчайшим представителем этой интеллигенции является сам Клим Самгин — человек во всех отношениях ничтожный, который за глубокомысленными по видимости фразами прячет полную свою душевную пустоту и растленность и способен к любой низости и подлости. Питая органическую ненависть к народу и демократии, он в то же время слишком труслив, чтобы стать активным участником политической борьбы. Эту свою трусость он искусно маскирует, настойчиво убеждая себя в мысли, что он, Самгин, слишком оригинален, чтобы ограничить себя рамками той или иной партийной программы. Если временами он и оказывается вовлеченным в водоворот политических событий, происходит это всегда помимо его воли и вопреки его намерениям. Все, кто ярче и духовно богаче его, вызывают с его стороны брюзгливую злобу. Он слишком черств и себялюбив, чтобы испытывать какие-либо сильные чувства: с женщинами он сближается, не любя их, друзей у него нет и не может быть. Наиболее уютно он чувствует себя в общении с такими же жалкими, лишенными какого бы то ни было внутреннего багажа людьми, как сам он: с полицейским сыщиком Митрофановым, с провокаторшей Никоновой.

Не раз Горький высказывал мысль о том, что «о мещанстве мы писали и пишем много, но воплощения мещанства в одном лице, в одном образе — не дано. А его необходимо изобразить именно в одном лице и так крупно, как сделаны мировые типы Фауста, Гамлета и др.». Клим Самгин и представляет собою такое воплощение мещанства, хотя бы и разряженного в павлиньи перья мнимой значительности; а по силе художественного обобщения этот образ по праву занимает место в ряду самых совершенных и значительных в мировой литературе.

Иначе проявляются черты мещанства в образе Варавки, отчима Клим. Конечно, по своему душевному строю Варавка — такой же законченный мещанин, как и Клим, такой же прожженный циник. Однако, в отличие от Клим, он мещанин активный, деятельный, владеющий огромной жизненной хваткой и цепкостью. Он ясно отдает себе отчет в гнилости самодержавно-полицейских порядков, но эти порядки неприемлемы для него лишь постольку, поскольку они не позволяют в полной мере развернуться его предпринимательским начинаниям. Варавка — убежденный сторонник и страстный

пропагандист технического прогресса, неутомимый «цивилизатор», но единственная цель, которая им движет, — самообогащение, единственные общественные преобразования, которых он жаждет, — те, которые дали бы ему возможность обогащаться быстрее и увереннее, нежели возможно это при существующем строе. К народу, к массам он относится так же презрительно, как и его пасынок.

Еще более откровенен и последователен в своем отрицании господствующего уклада и ясном понимании его обреченности купец Лютов, человек по-своему талантливый, мыслящий остро и разрушительно; но у него эти настроения не могут вылиться ни в какую другую форму, кроме озлобленного, вызывающего юродства, хотя в его подчеркнутом шутовстве и сквозит подчас искренняя человеческая боль. Лютов кончает самоубийством, и это закономерно для сына эксплуататорского класса, сознающего его обреченность, но бессильного порвать с ним.

«Жизнь Клима Самгина» — не только самое большое по объему, но и самое «густонаселенное» произведение Горького. В нем действует множество персонажей.

Длинной галерее паразитов и тунеядцев, капиталистических хищников и их вольных и невольных прислужников — либеральных болтунов всех толков и мастей, доморощенных «мыслителей», измышляющих всевозможные рецепты спасения человечества, изнывающих от безделья женщин буржуазного мира противостоят в горьковской эпопее представители трудового народа. Они выступают в «Жизни Клима Самгина» лишь эпизодически, не играя самостоятельной роли в развитии действия. Но, изображая важнейшие события исторической жизни России в эту эпоху — день 9 января 1905 года, похороны Баумана, декабрьское восстание в Москве, февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 года, — Горький показывает, что именно народ является главным героем всех этих событий, решающей силой исторического процесса.

Стремления народа, его воля к борьбе с эксплуататорами и к победе над ними воплощены у Горького в образе большевика Кутузова, человека исключительно цельного, волевого, не знающего ни колебаний, ни компромиссов, сделавшего служение революции делом всей жизни и уверенно идущего к поставленной цели. Вокруг Кутузова группируется небольшой количественно, но крепкий круг его единомышленников и соратников, ясность мысли и спокойная деловитость которых контрастно противостоят интеллектуальному бессилию и душевной дряблости их противников.

Эпопея Горького, полностью завершить работу над которой помешала писателю смерть (последний, четвертый том ее не был им вполне обработан, а заключительные разделы этого тома сохранились лишь в разрозненных набросках), заканчивается символически: картиной приезда Ленина в Петроград в апреле 1917 года и его исторической речью на площади Финляндского вокзала. Ленин выступает в эпопее как носитель той силы, которая навсегда покончит с самгинскими и самгинщиной. «Он как-то врос в толпу, исчез, растаял в ней, — пишет Горький, — но толпа стала еще более грозной и как бы выросла».

Характерной чертой повествовательного строя «Жизни Клима Самгина» является почти полное отсутствие суждений и оценок, высказываемых от имени автора. Человеческие характеры раскрываются как бы сами собою — в словах и поступках их носителей, по отношению к которым автор сохраняет позицию объективного и беспристрастного наблюдателя. Закономерно заостряя образы своих персонажей, Горький вместе с тем лепит их как художник-реалист, не впадая ни в гротеск, ни в карикатуру. В то же время объективность повествовательного строя «Жизни Клима Самгина» ни на минуту не переходит в объективизм, беспристрастность — в бесстрастие. Не раскрываясь в прямых оценочных формулах, авторское отношение ко всему изображаемому тем не менее от начала до конца остается вполне определенным и ясным читателю.

Горьковская эпопея посвящена делам и людям эпохи, ставшей уже для нас далеким прошлым. Навсегда уничтожен в нашей стране общественный строй, породивший

самгиных. Тем не менее произведение это сохраняет и сейчас все свое общественно-воспитательное значение, мобилизуя советских людей на борьбу против всех пережитков прошлого в общественном и частном быту, помогая окончательно добить наследие самгинщины.

* * *

С «Делом Артамоновых» и «Жизнью Клима Самгина», этими великими эпическими созданиями Горького, тесно связан цикл его пьес, которые были написаны им отчасти в эти же, отчасти в последующие годы. Сюда относятся: «Егор Булычов и другие», «Достигаев и другие», «Сомов и другие».

В первых двух пьесах, связанных между собою единством замысла и общностью действующих лиц, изображается русское общество в период созревания и свершения Великой Октябрьской социалистической революции. Действие ограничено рамками одного провинциального города, но на его примере показывается расстановка классовых сил, характерная для всей страны.

В центре первой пьесы — образ Егора Булычова, издавна привлекавший внимание писателя образ капиталиста, возвысившегося до понимания обреченности своего класса и фальши того дела накопления, которому отдал всю свою жизнь. Человек физически сильный, зоркий и проницательный, по натуре озорник, Егор мучим неотвязной мыслью, что «не на той улице» живет. Смертельная болезнь особенно обостряет в его сознании эту тягостную мысль. «В чужие люди попал, — говорит он своей “незаконнорожденной” дочери Шуре, единственному близкому ему человеку в его семье, — лет тридцать все с чужими... Отец мой плоты гонял. А я вот... Этого я тебе не могу выразить».

Булычов одинок. Его «законная» дочь Варвара со своим мужем, адвокатом Звонцовым, аферистом и пройдохой, озабочены лишь тем, как бы из их рук не уплыли булычовские деньги. С братьями по классу Булычов уже давно утратил общий язык, а с теми, кто ведет борьбу с этим классом, не нашел его.

Пьеса заканчивается символически: Булычов умирает, проклиная «царство, где смрад», из открытого окна несутся звуки песен — идет демонстрация, в России началась революция. Шире галерея действующих лиц второй пьесы — о Василии Достигаеве, представителе того же класса, что и Булычов, но человеку совсем другого склада. Он хитер, увертлив, умело прячет свое подлинное отношение к событиям в присказках и прибаутках, которые не сходят у него с языка. Когда контрреволюционные круги города готовят вооруженное нападение на ставший у власти Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и вожак местных черносотенцев Нестрашный ребром ставит перед Достигаевым вопрос, с кем он, тот отвечает: «Ни с кем, только с самим собой». Бесконечно далекий от какого бы то ни было сочувствия трудящимся массам, Достигаев в то же время не намеревается и вступать в конфликт с новой властью, а думает приспособиться к ней; отсюда его лицемерные рассуждения: «Деды и прадеды наши из рабочих вышли, отцы с рабочими жили — трудились, почему же и мы не сумеем?» Но лисья повадка Достигаева никого не обманывает. «Иезуит. Ходит, нюхает, примеряется, кого кому выгодней продать», — говорит о нем Нестрашный. А солдат, поставленный для присмотра за достигаевским домом, в ответ на заигрывания хозяина иронически замечает: «Хоша бывает и так, что живет человек тихо, а вреда от него больше, чем от разбойника».

В пьесе «Достигаев и другие», кроме персонажей, известных нам уже по «Егору Булычову», мы встречаем ряд новых: выживающего из ума губернатора Бетлинга, многочисленных представителей купечества и буржуазной интеллигенции. Резче очерчен здесь и круг людей, объединяющихся вокруг только что победившей советской власти во главе с большевиком Рябининым.

Третья пьеса Горького, «Сомов и другие», при жизни автора не была издана. Хронологически она, по-видимому, предшествовала «Булычову» и «Достигаеву» и внешне никак не связана с ними. Действие ее разворачивается уже в советское время, в начале первой пятилетки. Общих с «Булычевым» и «Достигаевым» персонажей в ней нет. Тем не менее внутренняя связь ее с этими пьесами очевидна. В образе инженера Сомова, его родных и друзей мы узнаем молодую поросль той же самой буржуазной интеллигенции, суть которой воплощена в образе Звонцова. При Временном правительстве она претендовала на политическое руководство страной, потом часть ее оказалась в эмиграции, другая часть стала на путь саботажа и антисоветских заговоров. Когда советский народ вышел победителем из борьбы с белогвардейцами и интервентами, Сомовы поняли, что им надо менять свою тактику: они перекрашиваются, делают вид, что готовы к сотрудничеству с молодым советским государством. Но это не больше, чем перемена тактики: на деле они остаются озлобленными врагами советского строя и вся их деятельность направлена к его подрыву, к реставрации капитализма в нашей стране. Пьеса заканчивается тем, что Сомов и его приятели разоблачаются органами государственной безопасности как враги народа, агенты международного империализма. Таков бесславный конец этих продажных тварей, наивно пытавшихся повернуть вспять колесо истории.

* * *

В 1928 году, после семилетней разлуки, Горький посетил Советский Союз, а с 1931 года окончательно поселился в Москве и сразу погрузился в бурную книжную деятельность. Он редактирует ряд основанных по его мысли журналов, разрабатывает планы таких капитальных изданий, как «История фабрик и заводов», «История гражданской войны», встречается с рабочими, колхозниками, писателями, работниками искусства, учеными. Огромный материал дают писателю его путешествия по стране, о которых он мечтал еще за рубежом.

«Мне хочется написать книгу о новой России – сообщал он в одном из своих писем. – Я уже накопил для нее много интереснейшего материала. Мне необходимо побывать — невидимкой — на фабриках, в клубах, в деревнях, в пивных, на стройках, у комсомольцев, у вузовцев, в школах на уроках, в колониях для социально-опасных детей, у рабкоров и селькоров, посмотреть на женщин-делегаток, на мусульманок и т. д. и т. д. Это — серьезнейшее дело. Когда я об этом думаю, у меня волосы на голове шевелятся от волнения».

К практическому осуществлению этой программы и приступил Горький, вернувшись на родину.

Осенью 1932 года советский народ торжественно отпраздновал сорокалетие литературной и общественной деятельности Горького.

Сам Горький не раз заявлял, что его задача как писателя — спеть панихиду отошедшим классам, что отобразить в художественных образах новые человеческие отношения, рожденные Великой Октябрьской социалистической революцией, не по силам ему, старику, и за эту задачу должно взяться молодое литературное поколение. Этим заявлениям присуща, однако, большая доля авторской скромности, всегда свойственной Горькому как художнику. Во многих своих рассказах и очерках последнего периода, припоминая виденные им в молодости картины былой жизни русского народа, полуголодной, бесправной, он показывает величие тех перемен, которые принес с собою советский строй, тех сдвигов, которые породила советская действительность в сознании людей.

Новый человек, рождение которого является одним из важнейших всемирно-исторических завоеваний Октября, творец коммунистического мира, занимает центральное место в творческом сознании Горького после его возвращения на родину.

В одном из своих последних рассказов он повествует о некогда встреченной им семейной паре — муже и жене, поставленных буквально в нечеловеческие условия существования и в этих условиях не утративших бодрости духа. Обитают они в избенке, переделанной из бани, есть им нечего, у них умирает третий ребенок, а они живут, не жалуется да еще проявляют что-то вроде гордости друг другом.

«Он у меня сказочник, выдумщик, — говорит о Егорше его жена. — Иной раз найдет на него — всю ночь до утра балагурит». И он о ней: «— Жена, брат, это... это, я тебе скажу, вся награда жизни моей! Ей-богу! Не будь ее — забили бы меня, как гвоздь в стенку. А ее даже злодеи мои уважают — умница, работница, песни поет лучше городской актрисы». Горький далек от какой бы то ни было идеализации этих своих героев. Он ясно сознает подлинную цену их бодрости. «Странно и глубоко печально было слушать его, — говорит он о Егорше, — он и о своей неудачной жизни говорил все так же усмешливо, играючи, не чувствовалось в словах его ни уныния, ни озлобления на судьбу, никакой горечи, звучала только привычно веселенькая и уже навсегда укрепившаяся безнадежность; ее-то вначале я и понял как игру на удалство. Подумалось: «Весело скрипит, а под корень сломлен».

Тем сильнее звучит финал рассказа:

«Давно это было. Я не помню, чтобы мне когда-нибудь хотелось написать о невеселой жизни веселого Егорши и милой жены его. А теперь вспомнилось и написалось потому, что на днях был у меня приятель, один из тех замечательных наших партийцев, которые зорко наблюдают за строительством новой жизни в деревне и отлично умеют возбуждать в крестьянстве сознание необходимости двигать жизнь по широкому пути к социалистической культуре».

О чем же рассказал Горькому этот партиец? Рассказал о том, как в недавнюю деревенскую поездку побывал он в гостях у одного колхозника.

«Привел он к новенькой, в три окна избе, с крытым крыльцом на резных колонках... открыл дверь в избу, освещенную лампой, спускавшейся с потолка. Потолок и стены оштукатурены, выбелены, пол окрашен, на полу, в переднем углу, — широкий матрац, застланный простыней... В переднем углу небольшая полка книг... около печи, у стены, новенький зеленый шкаф с посудой, рядом с ним, на столике, блестит самовар».

Сопоставьте эти строки с описанием убогого жилья Егорши и его жены. И вот, те не жаловались, а этот жаловался. Жаловался на то, что радио в деревне нет, что в праздничный день собраться негде. Так в этом рассказе об «избытке» и «недостатках» Горький отразил всю глубину сдвига от старого к новому, от прошлого к настоящему в деревенской действительности, в сознании советского крестьянства.

Любовно рассказывает Горький о будничном, незаметном героизме простых советских людей. Пассажиры большого волжского теплохода обмениваются друг с другом воспоминаниями о разных эпизодах своей жизни. Один вспоминает о том, как открыл кулацкую банду; другой — товарища, пожертвовавшего жизнью, чтобы выполнить порученное ему боевое задание; третий — о том, как пограничник, захваченный в ночной стычке с басмачами, кричал товарищу, чтобы тот стрелял на его голос. «А ведь на голос стрелять — значит по товарищу стрелять». В другом рассказе этого же новеллистического цикла, так и озаглавленного — «Рассказы о героях», описывается судьба советской женщины, прошедшей длинный путь: от забитой батрачки до колхозницы-активистки.

«Вот оно — героичество... Оно у нас везде», — говорит один из персонажей Горького, и это основной мотив всех его произведений последних лет. Это, в частности, основной мотив замечательной серии его очерков «По Стране Советов», печатавшихся в течение многих лет на страницах газет и журналов.

Ценнейший вклад внес Горький в дело теоретической разработки вопросов социалистической эстетики, разработки принципов социалистического реализма как творческого метода советской литературы.

Основным требованием, предъявляемым к художнику социалистического общества, является умение видеть жизнь в ее движении, умение взглянуть на настоящее с высот будущего и раскрыть в настоящем черты будущего, умение осветить правдиво изображаемую действительность сегодняшнего дня светом социалистического идеала.

Высокой социалистической идейности в произведениях социалистического реализма должна соответствовать совершенная художественная форма. Еще в начале советской эры В.И. Ленин писал о порче русского языка в некоторых газетных статьях и предлагал объявить беспощадную войну коверканью языка. Горький в своих литературно-критических выступлениях последних лет уделял большое внимание языку советской литературы, неустанно боролся за его чистоту, против всяких словесных фокусов и выкрутасов, против увлечения многих писателей областными словечками и выражениями, против небрежности и неряшливости в выражении своих мыслей. Он настойчиво подчеркивает, что советский писатель должен быть не только политически воспитанным человеком, но и мастером своего дела, должен живописать словами.

Исключительны заслуги Горького как организатора советской литературы, идейного руководителя и вдохновителя советских писателей в их творческом труде.

Важной вехой в развитии советской литературы явился состоявшийся в 1934 году Первый съезд советских писателей, в подготовке и проведении которого Горький принял самое близкое участие. На съезде он выступил с докладом, явившимся боевой программой для советских писателей.

«Государство пролетариев должно воспитать тысячи отличных “мастеров культуры”, “инженеров душ”, – говорил Горький. – Это необходимо для того, чтобы возратить всей массе рабочего народа отнятое у нее всюду в мире право на развитие разума, талантов, способностей. Это намерение, практически осуществимое, возлагает на нас, литераторов, необходимость строгой ответственности за нашу работу и за наше социальное поведение. Это ставит нас не только в традиционную для реалистической литературы позицию “судей мира и людей”, “критиков жизни”, но предоставляет нам право непосредственного участия в строительстве новой жизни, в процессе “изменения мира”. Обладание правом и должно внушить каждому литератору сознание его обязанности и ответственности за всю литературу, за все явления, которых в ней не должно быть».

С первых дней своей жизни и до конца ее Горький выступает не только как художник. Искусство всегда было для него самым прекрасным из всего достигнутого человеком, но он никогда не ограничивал свою деятельность рамками одного только искусства. Мы уже видели, что, если жизнь требовала, он охотно брался за перо публициста и в этой области работал так же напряженно и страстно, как творил он свои художественные произведения. И в советский период публицистика составляет очень существенный раздел творческого наследия писателя.

Круг вопросов, затрагиваемых им в публицистических статьях этого периода, исключительно широк.

«Не мое дело говорить о том, что другие скажут лучше меня, – писал он, о грандиозной работе, совершенной в России... – Моя радость и гордость — новый русский человек, строитель нового государства.

К этому маленькому, но великому человеку, рассеянному по всем медвежьим углам страны, по фабрикам, деревням, затерянным в степях и в сибирской тайге, в горах Кавказа и тундрах Севера... к работнику своего государства, который скромно делает как будто незначительное, но имеющее огромное историческое значение дело, — к нему обращаюсь я с моим искренним приветом.

Товарищ! Знай и верь, что ты — самый необходимый человек на земле. Делая твое маленькое дело, ты начал создавать действительно новый мир».

К этому «маленькому, но великому» человеку обращены все помыслы Горького. Воздав ему должное в качестве художника, Горький делает его основным героем своей публицистики. Достаточно перечитать его открытые письма своим бесчисленным корреспондентам: серпуховским рабфаковцам, сибирским золотоискателям, рабочим Магнитостроя, чтобы понять, как остро чувствовал и как переживал он новую действительность, создаваемую победившим в социалистической революции народом.

Тем более яростными и сокрушительными были удары, которые обрушивал Горький на врагов нашей социалистической родины.

«Подлинный, искренний революционер Союза Советских Социалистических Республик не может не носить в себе сознательной, активной, героической ненависти к

подлому врагу своему», — учил Горький. Естественно, что в каждом слове его горела та сознательная, активная, «героическая ненависть», о которой писал он. Никогда не забудутся человечеством заслуги писателя как непримиримого борца за мир, за демократию в годы, когда германский фашизм, поддерживаемый и поощряемый империалистами всего мира, готовился к осуществлению своих бредовых планов мирового господства. Против поджигателей войны, их сообщников и пособников направлял Горький самые отточенные, самые смертоносные стрелы своего презрения и гнева. Вместе с тем он стремился к тому, чтобы активизировать сознание масс, вселить в них уверенность в своих возможностях, поднять международную солидарность демократических сил мира. В будущей войне, говорил он, обращаясь к простым людям труда,

«...вы будете драться за интересы, враждебные вам, за интересы капиталистов, которые торгуют вашей плотью и кровью... Они вооружились для войны... Они снова хотят уничтожить, искалечить миллионы людей.

Хотите ли вы этого? Вы в силах не допустить войны. Вы и все люди, которые еще способны понять бессмысленность и преступность новой общеевропейской войны, можете ударить по рукам авантюристов. У вас для этого есть все средства».

Обращаясь к колеблющейся интеллигенции Запада, тщетно пытающейся спрятаться от противоречий эпохи в скорлупу своих профессиональных интересов, Горький настойчиво внушал ей ту мысль, что в нарастающей борьбе сил реакции и сил прогресса не может быть места никакому «нейтралитету». Или с народными массами против империалистов, или — против народных масс, за развязывание войны, за олигархию капиталистических монополий; третьего пути быть не может.

Горькому не суждено было стать свидетелем и непосредственным участником предсказанной им смертельной схватки советского народа с фашистскими захватчиками. Ему не суждено было пережить вместе со всем прогрессивным человечеством великое торжество победы над взбесившимся фашистским зверем, — победы, спасшей мировую цивилизацию от надвигавшегося мрака. Но в этой победе воплощен и самозабвенный творческий труд великого русского писателя.

18 июня 1936 года Горького не стало. Смерть его была тяжелой, горестной утратой не только для трудящихся Советского Союза, — она больно отозвалась и в сердцах передовых людей всего мира.

* * *

Сам писатель как-то сказал о себе, что если бы он был критиком и писал бы книгу о Горьком, то в этой книге он сказал бы:

«...Сила, которая сделала Горького тем, что он есть, заключается в том, товарищи, что он первый в русской литературе и, может быть, первый в жизни вот так, лично, понял величайшее значение труда, труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире».

Поняв значение труда как первоисточника всего ценнейшего, всего прекрасного, всего великого в человеческой жизни, Горький понял тем самым, что осуществление высоких идеалов всеобщего человеческого счастья возможно лишь на путях освободительной борьбы рабочего класса — единственного общественного класса, способного положить конец всяческой эксплуатации человека человеком, способного освободить труд, сделать его из тяжелого бремени делом чести, делом славы, делом доблести и геройства. Могучее воздействие, испытанное им со стороны партии рабочего класса, помогло Горькому укрепиться в этих выводах, помогло ему осознать свой общественный идеал как идеал социалистический.

Борьбе за этот идеал посвящает Горький все свои помыслы и стремления. Неисчислимо много сделал он для того, чтобы приблизить час освобождения народа от гнета царя, помещиков, фабрикантов, купцов. Своими художественными произведениями,

исполненными жизнелюбией и бодрости, он звал массы к революционной борьбе. Его творчество сыграло огромную роль в истории освободительного движения не только в России, но и во всем мире. В его произведениях человек труда впервые выступает как главный герой истории, главный деятель общественного развития.

Горький был первым художником слова, развернувшим критику капитализма с позиций революционного пролетариата. Именно как пролетарский писатель Горький сумел показать не только все зло буржуазной культуры, всю ее аморальность, бесчеловечность, но и ее историческую обреченность, неизбежность ее гибели.

На путях, проложенных Горьким, советская литература достигла выдающихся творческих успехов, обогатила мировое искусство многими замечательными произведениями, правдиво рисуя жизнь человеческого общества, воспитывающими наш народ в духе беззаветной любви к социалистической родине, идейно вооружающими его в борьбе за торжество коммунизма.

Как Горький в своем творческом подвиге наследовал великие гуманистические и демократические традиции классической русской литературы прошлого, так прогрессивная мировая литература наших дней наследует заветы Горького, опирается на его опыт художника, трибуна, борца.

В борьбе с империалистической реакцией, за счастье и свободу народов Горький и сегодня в наших рядах, в рядах прогрессивного человечества.